Одни писатели начертываютъ перемѣны, которыя касаются отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни, другіе же предлагаютъ мѣры для коренного измѣненія всего ея строя.

Особенно рѣзко нападаетъ Толстой на политическую экономію; но его упреки необоснованы. Въ лучшихъ произведеніяхъ этой науки мы не встрѣчаемъ оправданія золъ современной общественной жизни. Когда изображаются ея темныя стороны, то лучшіе экономисты или только истолковываютъ, почему хозяйственная жизнь слагается неблагопріятно для огромнаго большинства людей, или даже сопровождаютъ свои объясненія негодованіемъ по адресу меньшинства, которое съ большой жесткостью отстаиваетъ личные интересы. Когда наука говоритъ объ экономическихъ законахъ, которые объясняютъ состояніе народнаго хозяйства даннаго времени и измѣняются только посредствомъ медленной эволюціи, то лишь подводитъ итоги развитію хозяйственной жизни, какъ оно совершалось до сихъ поръ. Накопились неисчерпаемыя данныя, которыя позволяютъ подробно и за длинный рядъ вѣковъ прослѣдить экономическую жизнь во многихъ странахъ и у многихъ народовъ. Эти данныя свидѣтельствуютъ о медленномъ движеніи впередъ. А потому, если бы наука утверждала противное, то была бы уже не наукой, а празднымъ или и вреднымъ вымысломъ. Но утверждать, что эволюція совершается медленно, вовсе не значитъ отрицать ее. И люди, которые относятся къ общественной жизни съ искренней заботливостью и одушевлены желаніемъ способствовать перемѣнамъ къ лучшему, почерпаютъ въ той же наукѣ указанія на способы, могущіе принести неимущимъ классамъ существенныя выгоды. Сошлюсь, въ видѣ примѣра, на кооперативныя общества. Съ половины 19 вѣка стали возникать на Западѣ разные виды артелей. Тогда же и литература всѣхъ странъ поставила изученіе этого процесса въ ряды своихъ задачъ, разработала до самыхъ мелкихъ подробностей всѣ стороны этого движенія и подала практическимъ дѣятелямъ много цѣнныхъ совѣтовъ и указаній. А кто слѣдитъ за новѣйшей литературой, тому извѣстно, что многіе милліоны неимущихъ горожанъ и поселянъ получили замѣтную пользу отъ коопераціи [78]).

Напрасны и тѣ упреки, съ которыми Толстой обращается къ исторіи. Они могли быть умѣстны 100 лѣтъ назадъ, когда вниманіе историковъ было приковано почти исключительно къ фактамъ исторіи политической и даже династической. Но теперь ха-